

Салимова Лира Марселевна

Ю. М. ЛОТМАН И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В статье рассматриваются точки соприкосновения идей, выраженных в трудах выдающегося филолога и культуролога Ю. М. Лотмана (1922-1993), и ключевых позиций лингвокультурологической науки, оформившейся на рубеже XX-XXI вв.: изучение взаимосвязи человека, языка и культуры, создание работ по "объяснительной" лексикографии и др. В статье указываются также возможности обращения к языковой личности Ю. М. Лотмана как к объекту лингвокультурологического исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 180-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются точки соприкосновения идей, выраженных в трудах выдающегося филолога и культуролога Ю. М. Лотмана (1922-1993), и ключевых позиций лингвокультурологической науки, оформившейся на рубеже XX-XXI вв.: изучение взаимосвязи человека, языка и культуры, создание работ по «объяснительной» лексикографии и др. В статье указываются также возможности обращения к языковой личности Ю. М. Лотмана как к объекту лингвокультурологического исследования.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурология; язык; языковая личность; текст; культура; Лотман.

Салимова Лира Марселевна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
sali-lira@yandex.ru

Ю. М. ЛОТМАН И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ[©]

Выдающийся отечественный ученый Юрий Михайлович Лотман (1922-1993) – литературовед и культуролог, историк русской литературы и культуры, основатель и глава Московско-Гартуской семиотической школы – не имел непосредственного отношения к возникновению и становлению такого интегративного научно-методического направления, как лингвокультурология. Лингвострановедение, развивавшееся в СССР во 2-й половине XX в., было в основном связано с методикой преподавания русского языка как иностранного; Лотмана же волновали вопросы сохранения культурных традиций в сознании и поведении носителей русского языка. Тем не менее позволим себе выразить уверенность, что идеи ученого, почерпнутые из его разнообразных трудов (призыв к внимательному отношению к фактам культуры и деталям быта, стремление понять суть культурных традиций прошлого, чтобы выработать систему гуманистических ценностей в настоящем и сохранить национальные основы бытия народа в будущем и т.д.), были восприняты лингвокультурологией и стали источником вдохновения для проведения лингвокультурологических исследований и выработки рекомендаций в методике преподавания русского языка как неродного.

В целом же, по словам М. Л. Гаспарова, «Юрий Михайлович не оставил связного изложения своих концепций – филологических, культурологических, эстетических» [3, с. 5]. Примечательно, что систематизацией идей ученого занялись представители науки XXI века, видящие свою задачу, как выразился Ким Су Кван, в том, чтобы «не ставить Лотману памятник в прошлом, а поместить его в огромное пространство "большого времени", где нет ничего абсолютно мертвого...» [5, с. 157].

Мы не считаем возможным принимать участие в обсуждении спорных вопросов, касающихся оценки научных воззрений Ю. М. Лотмана, и в дальнейшем будем обращаться к ним только с целью характеристики его как языковой личности. Поэтому, ссылаясь на слова Н. С. Автономовой, подчеркнем, что «главным в Ю. М. Лотмане – наверное, всякий с этим согласится, несмотря на различие существующих точек зрения, – было стремление строить науку, забота о научности гуманитарного знания» [1, с. 339]. Ученый пребывал в твердом убеждении, что литературоведение должно опираться на достижения смежных наук, более того, он «мечтал, чтобы филология (литературоведение) стала серьезным профессиональным занятием, а не легким хлебом для бездельников, и считал необходимым, чтобы каждый литературовед знал лингвистику, математику, текстологию, архивное дело» [Там же, с. 341]. Отсюда – интерес Лотмана к функционированию языка как факта русской культуры, к описанию метаязыка, к диалогическому построению текста, к пониманию культуры как текста, к архивной работе, даже к математическим методам в изучении культурных явлений и т.д. «Применяя семиотику и структурализм на разнообразных объектах исследования (русская литература, межкультурные связи, теоретические проблемы литературы, кино и живописи), Лотман стремился к научности гуманитарного знания...», – утверждает Р. А. Зайнетдинова [4, с. 4].

Особенностью построения всей лотмановской теории следует назвать то, что она не является абстрактным измышлением, а построена, «вытекает» из анализа конкретного материала – литературы, художественных текстов [1, с. 359; 5, с. 21]. По мнению С. Бурины, «важно считать Юрия Михайловича Лотмана не столько "изобретателем" теории, сколько внимательным наблюдателем, который умел направить на целый мир свою лупу энтомолога. Его наблюдения всегда рождались из быта, будничной жизни, которая является первым и неиссякаемым источником семиозиса, не для того, чтобы создать теоретическую сетку, которая могла быть приложена к любой вещи, а для того, чтобы научиться видеть мир, где "изображение" становится самой эмблемой жизни» [2, с. 845]. Таким образом, особый взгляд на культуру и глубокое ее понимание в целом являются результатом внимательного, тщательнейшим образом осуществленного прочтения, даже изучения «под микроскопом», художественного произведения. Яркой характеристикой личности ученого являются, на наш взгляд, не столько его знания, сколько желание предоставить и другим читателям возможность понять тот или иной художественный текст благодаря его включению в широкий культурно-исторический контекст и рассмотрению как семиотической структуры.

Текст в понимании Ю. М. Лотмана является важнейшей категорией, выполняющей различные роли: являясь продуктом деятельности автора, несет в себе разного рода информацию (помимо той, ради которой и был создан) как семиотическая структура, «включает в себя образ "своей" идеальной аудитории» [11, с. 203], образует культуру, которая сама «в целом может рассматриваться как текст» [12, с. 72], «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию "текстов в текстах" и образующий сложные переплетения текстов» [Там же]. Именно он становится той своеобразной «призмой», сквозь которую преломляется представление человека как создателя, языка как средства и культуры как конечного результата всей деятельности по сотворению его самого – текста.

Отношение к языку отличается у Лотмана утилитарностью подхода литературоведа. Роль языка ограничивается, по мнению ученого, его использованием в качестве «материала литературы» («по отношению к литературе язык выступает как материальная субстанция, подобно краске в живописи, камню в скульптуре, звуку в музыке» [9, с. 31]) и «определяется как механизм знаковой коммуникации, служащий целям хранения и передачи информации» [Там же].

В то же время Лотман приближается к лингвокультурологическому взгляду, признавая, что «поскольку естественный язык – один из ведущих факторов национальной культуры, языковая модель мира становится одним из факторов, регулирующих национальную картину мира» [Там же, с. 34].

В целом, по мнению Ю. М. Лотмана, тексты культуры состоят из двух видов подтекстов: 1) характеризующие структуру мира и 2) характеризующие место, положение и деятельность человека в окружающем его мире [13, с. 466-467]. Правда, речь в этом случае идет о художественном пространстве и о героях, но не об авторе текста.

Человек как носитель языка не столь интересен Лотману, как отдельный представитель русской культуры. Поэтому ученый пытается раскрыть «тайну» таланта, мастерства, мировоззрения, творческой позиции А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова, П. А. Вяземского и др., но не связывает ее с их языковыми способностями.

В то же время Лотман признает, что «не только участники коммуникации создают тексты, но и тексты содержат в себе память об участниках коммуникации. Поэтому усвоение текстов иной культуры приводит к трансляции через века определенных структур личности и типов поведения» [16, с. 517].

Полагаем, что известная лингвокультурологическая триада, естественным образом предполагающая обращение к тексту, но в силу лингвистической обусловленности не акцентирующая на нем всеобъемлющего внимания, в целом соответствует пониманию ученого и, подвергнувшись небольшой трансформации, может быть представлена в следующей схематической записи: «человек – (язык) – текст – культура».

Отмеченное выше стремление ученого понять тот или иной текст «для себя» и облегчить его восприятие «для других» приводит к пониманию необходимости создания специальных работ, ориентированных на разъяснение и описание фактов культуры. В выполнении этой важной задачи можно обнаружить два подхода, узкий и широкий, тесно связанных между собой и отличающихся адресатом и объектом описания.

Первый подход в полной мере реализуется в создании цикла работ о жизни и творчестве А. С. Пушкина и особенно – посвященных роману «Евгений Онегин» («Роман в стихах Пушкина "Евгений Онегин". Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста» [15], «Роман А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий» [14] и др.). Благодаря Ю. М. Лотману «объяснительная» лексикография, включающая в себя различные справочники по творчеству мастеров слова, получила большую известность, обнаружила тенденцию к сближению с методикой преподавания литературы в школе, продемонстрировала практические возможности использования в процессе формирования нескольких поколений читателей, привития им культуры восприятия литературного произведения. Работы Лотмана по «Евгению Онегину» подняли «объяснительную» лексикографию на небывалую высоту и заложили фундаментальные основы для дальнейшего ее развития в рамках как литературоведения, в том числе пушкиноведения, так и лингвокультурологии. Традиции Ю. М. Лотмана получают свое продолжение в различных лингвокультурологических комментариях. Подтверждением этому может служить внушительный список трудов, увидевших свет, к примеру, в рамках только одной лингвокультурологической школы – возглавляемой профессором Л. Г. Саяховой (Башкортостан, Уфа). И сам «Комментарий» к роману «Евгений Онегин» выступает основным источником для последующих работ в рамках «объяснительной» лексикографии по творчеству А. С. Пушкина [18; 19], и идеи, общие принципы их реализации становятся значимыми для подобных изысканий по творчеству других мастеров слова: С. Т. Аксакова [7], Л. Н. Толстого [17] и т.п.

Культурологический подход к изучению литературы, представленный в трудах Ю. М. Лотмана, ориентируется на сближение академической науки и школьного образования, перекликается с лингвокультурологической концепцией обучения языку и в совокупности с ней «способствует формированию социально-активного типа личности, научного стиля мышления и целостного мировоззрения, развитию интеллектуальной и духовной сферы учащихся, приобщению школьников к самостоятельному творческому труду, процессу сотрудничества всех участников образовательного процесса и является актуальным для модернизируемой сегодня в России образовательной среды» [6, с. 19].

Второй подход, реализованный Ю. М. Лотманом в процессе осуществления важнейшей задачи сближения читателей с культурой – общечеловеческой и национальной, народной и индивидуальной, прошлой и современной, – можно условно охарактеризовать как широкий. Сюда относятся культурологические труды, в том числе по семиосфере и типологии культуры: «Культура и взрыв» [12], «Внутри мыслящих миров» [11] и др. В этом ряду совершенно особое место занимают «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» [10], уникальность которых заключается в том, что они предназначены для широкой аудитории, не ограниченной узкопрофессиональными рамками, направлены на расширение

общекультурного кругозора читателей и, конечно, заслуживают перехода в разряд текстов влияния «для некоторого социума в конкретный временной отрезок» [8, с. 84]. Следовательно, изучение названного и других трудов Ю. М. Лотмана должно рассматриваться как один из дополнительных материалов в процессе реализации компетентностного подхода к изучению языка [20] и литературы, в частности при формировании лингвокультурологической компетентности. «Беседы о русской культуре» имеют безусловную лингвокультурологическую направленность, причем лингвокультурная ситуация описываемого периода (конец XVIII – начало XIX в.) и времени создания текста (XX в.), нашедшая отражение в произведении, дает представление о состоянии языка в том виде, в каком оно воспринимается языковым сознанием самого Лотмана. Сеем предположить, что лингвистический аспект не был главным текстообразующим компонентом в процессе создания «Бесед о русской культуре» (учитывая отношение ученого к языку), но удивительным образом оказался важнейшим инструментом в достижении их цели – приобщения к русской культуре и, что особенно актуально для нашего исследования, стал великолепной основой для реконструкции особенностей языковой личности ученого.

Эти и некоторые другие наблюдения убеждают нас в том, что Ю. М. Лотман как языковая личность достоин стать объектом лингвокультурологического исследования. В подтверждение этому позволим себе настаивать, с позиций лингвокультурологии, на признании важнейшей роли языка в формировании личности, его картины мира. Следовательно, точка зрения и интерес исследователя пребывают в прямой зависимости от выбранного объекта изучения – человека или текста, но и в том и в другом случае неизменной будет область соприкосновения – культура.

Обращение к лингвокультурологии при описании языковой личности Ю. М. Лотмана обусловлено пониманием и признанием его роли в становлении этого направления. К сожалению, сам он не успел стать свидетелем процесса зарождения и формирования лингвокультурологии как науки, но предвосхитил это событие в своих трудах. Так, ученый-филолог и культуролог заложил фундаментальные принципы «объяснительной» лексикографии, на основе которых создаются последующие поколения лингвокультурологических трудов – комментариев и словарей. В своих размышлениях о ключевых идеях человеческого бытия Лотман приблизился к осознанию важнейших категорий, признаваемых современной лингводидактикой в качестве центральных понятий в процессе обучения языку и литературе и формирования языковой личности и в совокупности получивших наименование лингвокультурологической триады «человек – язык – культура». Правда, для историка литературы в иерархии категорий доминирующую роль играл текст, в то время как язык был необходим для его создания лишь в качестве строительного материала. Но на рубеже XX–XXI вв. антропоцентрическая парадигма научного знания обращает внимание ученых, в том числе лингвистов, на глубинное описание природы человеческого языка и самого человека. Отметим в связи с этим, что в настоящее время в антропологической лингвистике сложились благоприятные условия для наблюдения над теми или иными особенностями носителя языка с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций. Поэтому, оставляя за собой право выбора лингвоперсоналогического направления в лингвокультурологических исследованиях, обозначим свой интерес в описании тех языковых механизмов, которые способствовали тому, что Ю. М. Лотман сам стал явлением отечественной и мировой культуры.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Ю. М. Лотман, переходящий в память // Юрий Михайлович Лотман / под ред. В. К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 338-369.
2. Бурнин С. Ю. М. Лотман и семиотика изобразительных искусств // Лотмановский сборник / ред. Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, Т. Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2004. Вып. 3. С. 836-847.
3. Гаспаров М. Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 5-10.
4. Зайнетдинова Р. А. Становление проблемного поля концепции семиосферы Ю. М. Лотмана: историко-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Екатеринбург, 2011. 26 с.
5. Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение, 2003. 176 с.
6. Костерина Э. В. Научно-педагогическое наследие Ю. М. Лотмана: автореф. дисс. ... к. пед. н. Смоленск, 2007. 20 с.
7. Кузьмина Г. Ш. «И образ мира, в слове явленный...»: лингвокультурологический словарь-комментарий к произведениям С. Т. Аксакова / под ред. Л. Г. Саяховой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. 180 с.
8. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 272 с.
9. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 18-252.
10. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1997. 399 с.
11. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150-390.
12. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 12-148.
13. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 462-484.
14. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 472-762.
15. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 393-462.
16. Лотман Ю. М. Тезисы к семиотическому изучению культур (совместно с Вяч. Вс. Ивановым, А. М. Пятигорским, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 504-525.

17. **Мигранова Л. Ш.** «Полнота страдания и пустота счастья»: лингвокультурологический словарь-комментарий к роману «Анна Каренина» Л. Н. Толстого / под ред. Л. Г. Саяховой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 230 с.
18. **Салимова Л. М.** Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»; Издательство «Мир и образование»; Издательство «Русские словари», 2005. С. 3-191.
19. **Салимова Л. М.** «Энциклопедия русской жизни...»: лингвокультурологический комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / под ред. Л. Г. Саяховой. Уфа: Изд-во БИРО, 1999. 160 с.
20. **Саяхова Л. Г.** Компетентностный подход к изучению русского языка в учебниках для 10-11 классов школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2009. 127 с.

Y. M. LOTMAN AND CULTURAL LINGUISTICS: COMMON POINTS

Salimova Lira Marselevna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University
sali-lira@yandex.ru

The article examines the common points of the ideas represented in the works of the outstanding philologist and culture expert Y. M. Lotman (1922-1993) and key concepts of cultural linguistics established at the border of the XX – XXI centuries: investigation of the interaction of a human being, language and culture, writing the papers in «explanatory» lexicography, etc. The article also indicates the possibilities for addressing the linguistic personality of Y. M. Lotman as an object of linguo-cultural investigation.

Key words and phrases: cultural linguistics; language; linguistic personality; text; culture; Lotman.

УДК 821.512.157(091)–32

Филологические науки

Статья посвящена выявлению документального и автобиографического начал в творчестве якутского писателя-фронтовика И. П. Никифорова. В военной прозе особое внимание автора уделено воспроизведению судьбы военного поколения, раскрытию психологической перестройки человека мирного труда, его адаптации к условиям и законам войны. Биография писателя является живым и необходимым комментарием к его произведениям.

Ключевые слова и фразы: якутская литература; военная проза; художественно-документальный очерк; автобиографическое начало; рассказ; повесть.

Самсонова Тамара Петровна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
tomas2707@mail.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ И. П. НИКИФОРОВА ©

Одна из разновидностей военной прозы в литературе – художественно-документальная – требует отдельного, серьезного рассмотрения. Несмотря на то, что лучшие произведения о Великой Отечественной войне создавались на основе подлинных событий, долгое время бытовало мнение, что задача документалистики заключается лишь в «оживлении» художественной прозы. Данная точка зрения изменилась лишь в середине 70-х гг. прошлого столетия. Именно с этого времени появился целый ряд критических и литературных работ, посвященных связи художественной и документальной литератур, заметно обогатившей литературу освоением и развитием новых тем, конфликтов, характеров. Документальные произведения наконец-то «уравнивали» в правах с другими жанрами, признав их литературой, заслуживающей внимания [1-4].

Тема Великой Отечественной войны в творчестве известного якутского прозаика Исая Прокопьевича Никифорова (1915-1976) не случайна. Плодотворно начавшаяся творческая жизнь писателя (член Союза писателей СССР с 1939 года) была прервана войной. В своих многочисленных очерках, позднее рассказах и повестях автор стремился раскрыть одну из главных тем своего творчества – человек и война. Основное его внимание уделялось психологической перестройке человека мирного труда, его адаптации к условиям и законам войны, злодеяниям фашистов на оккупированной ими территории, воспроизведению освободительного характера военных действий советских войск и т.п. По мере того как отдалялись военные годы, острее ощущал писатель-фронтовик потребность рассказать о войне так, как он ее видел и пережил.

Как известно, в первые суровые дни войны были востребованы жанры литературы, способные оперативно откликаться на события и проблемы военного времени. В это время, как и во всей отечественной литературе военных лет, значительное место в якутской прозе занимает очерк. Характерная для художественно-публицистических очерков строгая документальность, реально воспроизводимая батальная сторона войны отвечали требованиям читателей, которые с нетерпением ждали вестей с фронта, точной и правдивой